

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

О. А. Кармадонов

Иркутский государственный университет

Пролегомены

Социальные трансформации в посткоммунистических странах при всей своей уникальности и специфичности являются все же частью и отражением общего процесса социального изменения, свойственного, в принципе, любой человеческой общности. Вопрос лишь о масштабности таких изменений, вариативности онтологической, исторической и культурной обусловленности последних, их темпах, характере и степени брутальности/конструктивности. В этой связи логично рассматривать процессы социальной трансформации в странах бывшего восточного блока с точки зрения и в терминах наработанного на настоящий момент социальной наукой эвристического потенциала. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что подходы, созданные для изучения социального изменения, часто носят характер *ad hoc* теорий, в связи с чем важно максимально критичное использование таковых с учетом культурно-исторической и национальной специфики объекта исследования. Более того, целесообразной является попытка фальсифицирования (в попперовском смысле) «традиционных» концепций социального изменения, работа по созданию синтетической методологии исследования данного феномена с особым вниманием к социальным теориям т. н. «качественного стиля».

Предварительный анализ: теории эволюции и социального изменения

На настоящий момент можно выделить четыре основных подхода в исследовании социальных трансформаций: *эволюционные модели, циклические теории, конфликтологические модели, функционалистские модели.*

Главные компоненты эволюционизма XIX в. включали следующие постулаты: 1. Социальное изменение является естественным и постоянным. 2. Социальная эволюция есть направленный процесс. 3. Социальная эволюция нескончаема. 4. Социальное изменение необходимо, происходит из одних и тех же источников и обязательно для всех обществ (О. Конт,

Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Менее этноцентричные версии современных эволюционных теорий предстают в виде мультилинейных моделей социального изменения. Здесь делается акцент на необходимости изучения каждого общества отдельно с учетом открытия уникальных, присущих только данному образованию эволюционных стадий (Г. Ленски, М. Салинс, Э. Сервид, Р. Стюарт).

Циклические теории социального изменения введены в социальный дискурс благодаря прежде всего О. Шпенглеру. Согласно идеям немецкого философа, все общества неизбежно проходят через стадии, сопоставимые с жизненными стадиями человеческого существа: младенчество, юность, зрелость, старость. Сходные идеи в терминах *роста* и *падения* были развиты А. Тойнби, который рассматривал рост и закат различных обществ как ответы на вызовы физической и социальной среды. Циклическая теория социального изменения была создана и П. Сорокиным, полагавшим, что все общества постоянно претерпевают социальное изменение, и этот процесс берет начало в глубинах их культур.

Конфликтологические модели социального изменения представлены прежде всего категориями марксистской классовой борьбы и имманентного антагонизма на основе прав собственности. Некоторые современные теоретики конфликтологического подхода дистанцируются от этого взгляда, обнаруживая конфликты среди самых разнообразных групп и в каждом социальном институте (Р. Дарендорф).

В функционалистской перспективе социальные изменения происходят как результат роста населения, технологических изменений, группового и классового неравенства и борьбы за ресурсы. Т. Парсонс развил *гомеостатическую модель* общества, в котором конфликт минимизируется через возникновение легитимных управляющих институтов; решения здесь принимаются лишь по поводу того, кто управляет, а также по формам и степени власти.

Критика традиционных теорий социального изменения

Критика традиционных теорий осуществлялась прежде всего со стороны *антиисториста* К. Поппера, рассматривавшего социальное изменение в терминах человеческого свободного социального творчества. Ш. Эйзенштадт предложил сочетание институционального и микросоциологического подходов в исследовании социальных трансформаций, *теоретическую конвергенцию* символических и институциональных характеристик систем социальной организации. Подход П. Штомпки характеризуется акцентированием взаимообусловленности структуры и субъекта, причем последний исторически прогрессирует в плане рефлексии относительно

собственных преобразовательных возможностей, а Р. Будон настаивает на конструктивной роли социальных «спонтанных» инноваций.

Социальные теории качественного стиля

Социальные теории т. н. «качественного стиля» (феноменологическая социология, символический интеракционизм, социология знания) до сих пор не применялись достаточно широко в исследовании социальных трансформаций на структурном уровне. Последнее обусловлено как собственной узкой исследовательской ориентацией, так и доминировавшей до последнего времени *большой теорией*, функционалистски ангажированными теоретическими подходами. Вместе с тем при грамотном и критичном сочетании подходы микроуровня, вкупе с наработками таких областей, как культурная и историческая антропология, семиотика и социальная эпистемология (Л. Хант, Д. Ла Капра, Г. Уайт, Ф. Бродель, А. Я. Гуревич, Ю. М. Лотман, Р. Харре), обладают весьма значительным эвристическим потенциалом для исследования процессов социального изменения.

Знаковая природа мира заслуживает большее внимание со стороны общественных наук, потому что она, с одной стороны, является действительно устойчивой характеристикой изменяющейся социальной реальности, а с другой стороны, эта характеристика так же динамична, как и эта реальность. Выражая данный методологический и теоретический парадокс другими словами, мы имеем в лице знаковых систем или символических форм устойчивый коррелят социальной динамики, трансформирующийся вместе с нею и в силу своей реферативности предоставляющий нам возможность изучать импрессионистическую реальность наиболее адекватными, то есть импрессионистическими же, методами.

Исследование социальной трансформации с помощью синтетической методологии

Предметная сфера исследований социальной трансформации с помощью синтетической методологии выглядит следующим образом: 1. Трансформация *неосязаемого* социального дискурса, или категорий очевидности (А. Шюц): идеологемы, концепции, нормы, мотивации, ценности и т. д. 2. Трансформация социальной структуры: вертикальная и горизонтальная мобильность, статусы, роли и т. д. 3. Трансформация социальной идентичности личности: этнической, гражданской, экономической, дихотомия группового престижа/пафоса и т. д. 4. Трансформация *осязаемого* (реифицированного) социального дискурса: явления в живописи, музыке, литературе, монументальном искусстве, архитектуре.

Таким образом, существуют достаточно веские эвристические основания для исследования процессов социальной трансформации с феноменологических (в расширенном толковании этого слова) позиций. Мир очевидностей, ежедневно создаваемый и пересоздаваемый людьми, мир не только рациональных выборов, но и иррациональных мотивов и устремлений не умещается в прокрустово ложе дегуманизированных концепций. Вернуть человека в социологию и социологию в реальное общество – вот задача, которую еще предстоит решить социальным ученым в XXI веке.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЭТИКА И МАРГИНАЛЬНОСТЬ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ ПОВЕДЕНИИ

А. Т. Коньков

Сахалинский государственный университет (Южно-Сахалинск)

Предпринимательское поведение по своей природе обоснованно рассматривают как частный случай экономического поведения. Разумеется, предпринимательская инициатива и энергия могут быть направлены не только на экономические цели, но также преследовать цель социальных инноваций и самоактуализации. В реальной жизни мы чаще всего сталкиваемся с предпринимательским поведением, ориентированным на экономические цели и последовательно обнаруживающим действенность базового постулата концепции экономического поведения – принципа максимизации полезности. Несмотря на то, что этот принцип неоднократно оспаривался, тем не менее в современной экономике он принципиально не опровергнут и широко используется для анализа поведения не только субъектов в сфере экономических отношений. Со времен Г. Беккера попытки распространить экономический подход на исследование неэкономической деятельности (например, политических процессов, правонарушений) неоднократно демонстрировали как продуктивность этого подхода, так и его ограниченность.

Предпринимательское поведение, ввиду сочетания в нем экономических и неэкономических целей, является хорошим примером для оценки степени применимости к нему *принципа максимизации полезности*. Принцип максимизации обычно ассоциируют с идеей экономической рациональности поведения. В этом случае показателем степени рациональности